

ЕВА НОЧЬ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ТА, ЧТО МЕНЯ
СПАСЛА

Ева Ночь

Та, что меня спасла

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67376003

SelfPub; 2022

Аннотация

Она ушла от меня, чтобы начать всё сначала. Надо мной висят дамоклов меч предательства и смертельная опасность. Что ждёт нас впереди? Сомнения? Разрыв? Подозрения? А может, это шанс сблизиться, научиться доверять друг другу? Она та, кого я люблю. Она та, что сумела разбудить мои чувства. Она способна пройти по краю опасности и не обжечься, отвести беду и согреть моё сердце. Она моя жена. Она та, что меня спасла.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Вторая книга. Первая – «Тот, кто меня купил» (бесплатно). Книги отдельно не читаются.	4
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ева Ночь

Та, что меня спасла

**Вторая книга. Первая – «Тот, кто меня купил» (бесплатно).
Книги отдельно не читаются.**

Глава 1

Таисия

Пальцы скользят по тугим мышцам спины – жадные и немного беспомощные. Цепляются, как скалолазы за выступы, но не задерживаются – обрываются вниз, к пояснице. Проходятся по ямочкам и вжимаются в крепкие ягодицы, что движутся ритмично, напористо, пока ещё не спеша.

Белая нога – как узкая полоска флага. Это капитуляция. Протяжный стон – сладострастный выкрик. Гортанный и хриплый. Довольный и бархатный, словно кошка, что катается по нагретой солнцем земле.

Пальцы подстёгивают движения – быстрее. И он слушается, ведомый её призывом, тонкой струной, что натянута до предела и готова лопнуть от приближающегося наслаждения.

Спина напрягается, мышцы бугрятся, движения становятся рваными и очень быстрыми, но ритм остаётся тот же – чёткий, как пунктирная линия, как точки и тире в азбуке Морзе. Он телом произносит слова животной силы.

Шквал. Буря. Неистовство. Полное обладание. Яркое доминирование. Он подавляет, освобождая, даруя пронзительный экстаз, от которого каменеют соски и рвётся наружу чистое удовольствие.

Они занимались любовью. Красиво. Раскованно. Завораживающе. Женское протяжное «А-а-а-а!» – и содрогание тела, что видно по судорожно сжатым на пояснице ногам. Мужское чертыхание сквозь стиснутые зубы. Ещё несколько быстрых толчков – и вот он откидывает голову, бёдра его движутся, замедляясь, позволяя поймать искры оргазма.

Потная спина замирает. Тело расслабляется. Мужчина ещё несколько секунд покоится между женских ног. Ему хорошо – это видно. Ей, наверное, ещё лучше.

– Аль, ты бог, – целует она его в плечо.

Я негромко кашляю. Че Гевара деликатно мне подгавкивает – тихо, совсем чуть-чуть, но девушка, видимо, попалась со слабыми нервами: взвизывает, визжит, пытается вскочить с кровати. Мужчина накрывает её телом и прижимает собой.

– Тихо-тихо, – успокаивает. И я вижу, как смуглая рука с изящными длинными пальцами скользит по её щеке.

Он оборачивается и оценивает ситуацию. Приподнимает бровь. Одним движением встаёт и одновременно прикрыва-

ет испуганную партнёршу покрывалом. Сам он не стесняется – вырастает передо мной, в чём мать родила. Красивый. Поджарый. Дух от него захватывает. Когда-то я грезила это увидеть. И вот час пробил.

Он не бог, конечно. Не Аполлон. И плечи у него узковаты, и мышцы ног не так рельефны, как могло бы быть, если бы он больше следил за собой и занимался хоть пару раз в неделю спортом. Но зато руки великолепные. И живот впалый. И то, что ниже, – тоже ничего: ещё не до конца упавшее вполне боевое орудие для поражения женских прелестей. Тех, что между ног.

– Прохорова, – обжигает он меня зеленью шальных глаз и прячет их блеск под длинными загнутыми ресницами. Отбрасывает со лба длинные пряди, почёсывает кадык, складывает руки на груди, кривит красивейшие губы, которым можно молиться и сочинять баллады, в улыбке, от которой останавливается сердце, а затем всё же отворачивается, давая полюбоваться на шикарные узкие бёдра и каменную задницу, где змеится тату тёмно-зелёного дракона. Справа. С этого ракурса мне его видно не было.

Он набрасывает халат, завязывает атласный пояс и снова оборачивается.

– Ну, здравствуй, Прохорова. Какими судьбами?

Он узнал меня, хоть не видел, наверное, года три. Сразу же узнал, хотя, когда в последний раз мы виделись, я заплетала косички и носила брекетy. Но с его памятью – я не удивлена.

– Здравствуйте, Альберт Викторович, – бормочу я, пытаюсь прийти немного в себя. Всё же я не такая прожжённая и опытная девица, чтобы без смущения смотреть на голого красивого самца. Судорожно прикидываю, сколько ему сейчас. Тридцать. О, боже, всего тридцать.

– Тайна, можешь звать меня Аль. Уже как бы пора. Ты выросла. Я расцвёл.

– Аль, что происходит? – подаёт голос с кровати девушка, которая визжит. Мы о ней, кажется, забыли. Я уж точно.

– Зайка, – морщит он лоб, и я понимаю: не помнит имени, поэтому пытается выкрутиться, – у меня тут форс-мажор нарисовался. Ты бы не могла быстренько одеться и исчезнуть?

– Эта длинноногая дрянь – твой форс-мажор?! – подвизгивает на высоких нотах девушка. Она постарше меня. Лет двадцать пять, наверное. Под тонким покрывалом угадывается большая грудь и отличные формы. Скорее всего, натурщица. – Что, с временем напутал, и теперь пытаешься меня вышвырнуть, чтобы очередной красоткой заняться?

– Котик, – страдальчески закатывает Альберт глаза, – по-хорошему, ладно? Ты ж знаешь, я могу и по-плохому. Наслышана? Голой по лестнице. Да. Всем будет весело.

Девица вскакивает и начинает быстро одеваться. Я не ошиблась: у неё шикарная фигура. Но ростом она немножко подкачала. Нестандарт. Впрочем, Аль всегда любил неправильные черты, неидеальные образы. Это будило в нём тягу к достоверному изображению жизни.

– Ты даже имя моё не запомнил, козёл!

Девушка крутит задом, как мельница – лопастями, вдавливая каблучки в паркет так, что он и потрескивает, и повизгивает ей в такт.

– Ну, вот. А говорила – бог, – меланхолично бросает он ей вслед. – Какие вы, девушки, непостоянные. От бога до козла – всего шаг. Или чужие длинные ноги.

Девушка гневно хлопает дверью так, что сыплется штука турка.

– Давно ремонт делать нужно, – оглядывает он заоблачной высоты потолок с лепниной и трещинами, что разбежались, как грязная паутина, вздыхает, а затем, отвернувшись, собирает свои вещи. Начинает переодеваться. Натягивает трусы. Снимает халат. Влезает в джинсы. А затем поворачивается ко мне. Ширинка у него расстёгнута. Тяжёлый кожаный конец ремня болтается, как сытый удав.

– А ты зачем пришла, Прохорова? – оглядывает он снова меня с ног до головы. Останавливает взгляд на команданте Че. Пёс в ответ склоняет голову набок и показывает розовый язык. – Ещё и собаку с собой притащила. Взрослая же девочка. А всякую пакость тянешь в дом.

Я откашливаюсь. Набираю побольше воздуха в лёгкие.

– Помните, вы говорили...

– Стоп! – он поднимает руки вверх, и я снова люблю его длинными кистями и пальцами. Затем он запускает их в волосы, прогребает, пытаясь немного уложить пряди. – Тайна,

раз уж ты припёрлась, испортила мне половую жизнь, выгнала Котика-Рыбку или как там её, эту Зайку... не важно, короче, то давай уже без церемоний, что ли. Ты ж меня, считай, изнасиловала взглядом. Это, считай, половой акт и степень необычайной близости. А я к тому же до сих пор помню и твоё имя, и фамилию, и лицо твоё распрекрасное забыть не сумел. Так что мы почти семья, как ни крути. Поэтому, будь любезна, на «ты» и Аль. Так проще, душевнее и сближает неимоверно.

– Хорошо, Аль, – соглашаюсь покладисто. Мне сейчас не до споров. – Помнишь, ты говорил, что если однажды мне будет очень и очень плохо, то я могу прийти. И ты поможешь.

Аль задумчиво ерошит волосы. Они у него стоят дыбом. И расчёски в этом доме не найти. Проверено. Хотя можно попытаться.

– Господи, кому я чего только ни говорил, – бормочет он. – Я хоть трезвый был тогда?

– Абсолютно, – уверяю, но сердце противно сжимается в груди: а что если сейчас он меня, как свою Зайку, спустит с лестницы?... Что тогда?..

– Тогда ладно. Помню, – выдаёт он и хлопает ладонью по коленке. – Ты удрала от своей толстожопой тётки? Ну, помню, помню, я, Тайна. Ты ж знаешь: шутки мои плоские, язык у меня – трепло, но память замечательная. Ничто её не берёт.

– Только имена Заек не запоминаешь, – улыбаюсь я, не удержавшись от подколки.

– А зачем? Я лишним голову не забиваю. А у тебя зубки – загляденье, Тайна. Вишь, хорошая у тебя грудастая тётка. Хоть какое-то доброе дело сделала.

Он помнит. Он всё прекрасно помнит. А ещё он помнит, что я перестала ходить к нему в студию и заниматься живописью тоже из-за тётки. Ей не понравился учитель. Ей не понравился свободный дух. А ещё больше не понравился мой взгляд, что я однажды бросила на Альберта, когда считала, что меня никто не видит. Влюблённый взгляд пятнадцатилетней дуручки с буйной фантазией и несбыточными мечтами.

– В общем, этот день настал, – я стараюсь не вздыхать. Я удрала не от тётки. И мне нужно где-то приземлиться. Поможешь мне квартиру снять? У тебя же всегда куча друзей, знакомых, подруг.

– Хм, – щурит он глаза, – а по объявлению не судьба? Тут только открой страницу в Интернете – продаю, сдаю, купите.

– У меня собака, – кошусь я на Че Гевару.

– Ладно, придумаем. Проблема. Тоже мне. Трагедия.

Затем он останавливается. Ещё раз всматривается в моё лицо, поводит носом, словно пытается унюхать запах спиртного или опасности.

– А от кого, если что, ты удрала? – задаёт он самый неудобный вопрос.

– Я удрала от мужа, Аль. Я замужем, – произношу вслух слова, что обжигают мне глотку, и внимательно наблюдаю,

как меняется в лице мой бывший учитель живописи – Альберт Викторович Ланской: тридцать лет, холост, художник и ритор, слегка эпатажный, немножко раздолбай.

Аль. Моя первая любовь.

Глава 2

Таисия

Первую ночь мы с Че Геварой провели на вокзале. Забились в уголок – там никому до нас не было дела. Я взяла рюкзак с необходимыми вещами, деньги и карточку.

То, что я сделала, побегом не было. Хорошо продуманный ход, хотя до сих пор не знаю, можно ли к этому применить слово «хорошо». Я решила уйти накануне. Поэтому и просила Эдгара отпустить. И он разрешил, пусть и не понял, о чём я прошу.

Уловка – да. Глупость – наверное. Но я не собиралась скрываться, прятаться по углам, разыгрывать из себя непонятно что. Я не революционерка. Но мне хотелось, чтобы мы по-настоящему разобрались в своих чувствах. Мне показалось: он тоже любит, но так и не сказал об этом. Впрочем, как и я.

Тётка всегда долбила: девушка никогда не должна делать первый шаг. Покажи, что ты доступна и готова на всё – мужчина попользуется, но тебя не запомнит. В девушке должна быть тайна. Загадка. Недосказанность. Слишком наивные и прямодушные могут вытянуть счастливый билет, но сделать им это сложнее. Такова была тёткина наука.

Может, всё это и ерунда, но на подкорку это, наверное, записывается. Вбивается золотыми буквами. Я не могла пер-

вой рассказать мужу о любви.

В своей жизни я всегда следовала правилу: если слишком всё запутано, нужно узел разрубить. Отстраниться. Подумать. Остыть. Дать возможность улечься страстям. Может, потому я нередко совершала побеги, пока жила в детском доме. Недалеко. Но всегда находила место, где пряталась, чтобы подумать и разобрать по колёсикам все обиды и несправедливости этого мира.

Позже меня даже искать перестали. Я возвращалась сама, когда находила покой в душе. От тётки я тоже удидала. Недалеко. И ненадолго. Пока была поменьше. Последний раз – три года назад. К Альберту Викторовичу. И это была очень громкая заявка на бунт. Первый раз в жизни я не собиралась возвращаться назад. Именно тогда Аль уговорил меня вернуться назад и пообещал, что если станет совсем не в состоянии, я могу к нему обратиться.

Я почти не спала в ту ночь. Сжимала в руке телефон. Навивная чукотская девочка, что жила во мне, верила: Эдгар обязательно ответит. Позвонит. Пришлёт смс. Но ничего не случилось.

Я не ждала, что меня позовут назад. Я не надеялась втайне, что он найдёт меня, как тогда, возле монастыря. Хотя он мог – я знала. Я хотела всё объяснить ему ещё раз. На расстоянии. Когда легче говорить. Но телефон молчал, а я... грустила и печалилась.

А ещё у меня был план. Слабый, но всё же. Севины слова,

которые я подслушала в коридоре, не давали покоя. Он считал, что это я... что из-за меня... но подобное как-то плохо укладывалось в голове. Оставался только один большой ржавый гвоздь: я почти ничего не знала о своём прошлом. В памяти ничего не осталось. Какие-то обрывки, образы и почти ничего из той, далёкой жизни с родителями. Они погибли. Может, не случайно?.. Вот это тревожило неимоверно.

А потом пришло смс. *«Не возвращайся»*. Ранним утром, когда ещё небо купалось в утренних сумерках. И на меня будто ночь упала.

Я смотрела на взволнованного Че и не сдерживала слёз. Мой верный команданте, который какого-то лешего увязался за мной, когда я уходила из дома, мёл асфальт дредами и, поскуливая, облизывал мои ладони.

– Я не знаю, что будем делать, Че. И как я перешагну через пропасть – тоже не знаю. Зря ты связался со мной. Я теперь бездомная, несчастная, никому не нужная.

Пока я причитала, телефон булькнул ещё раз. Смс. Если сказать, что у меня дрожали руки, значит не сказать ничего. Он. Больше никто. Только он. Я не смсилась даже с подругами. Все знали мою нелюбовь к телефонам.

«Спрячься. У тебя есть где?»

Как не разорвалось сердце, не знаю. Это был другой номер. Чужой. Но я знала: это Эдгар.

«Да. Что-то случилось?»

«Потом. Спрячься. Ты же мне доверяешь?»

«Да»

И телефон снова потух. Я потрепала Че Гевару по лохматой голове. Пёс довольно гавкнул.

— Кажется, у нас не всё так плохо, как я думала, — с собакой разговаривать естественно. Это друг, которому можешь доверить что угодно, и быть уверенным: не разболтает, не подведёт, не обманет. И я перестала жалеть, что собакен увязался за мной. Как ни крути, а нас двое. И, чёрт побери, я найду выход.

Я прошерстила скудный список, куда можно податься. Беременная Синица отпадала сразу: я не могла увязаться за ней и уехать из города к её родителям. Ни её подставлять не хотела, ни уезжать. Ни за что. Здесь Эдгар. И ему грозит опасность.

Ольгу я вообще не рассматривала как вариант залечь на дно. Она никогда не рассказывала о своей семье и скрытничала. Наверное, ей было что скрывать. Тётка — там не спрячешься. Тем более, с собакой. Каждый куст сдаст пароли и явки, стоит только пару-тройку вопросов задать. Вывалят всё с превеликим удовольствием.

Об Альберте вспомнила не сразу. Но идти к нему не побоялась. Несмотря на свою креативную распушенность, он не был человеком широких моральных принципов, когда сегодня одни, а завтра — другие.

Он всё же вырос в интеллигентной семье. И всем ученицам на первом же занятии твёрдо вбивал в головы: он не оби-

жает и не развращает малолетних и не связывается с замужними дамами. Может, поэтому я и отправилась к нему. Аль мог быть каким угодно. Даже голым и с драконом на заднице, но то, что он глубоко порядочный, я не сомневалась.

Впрочем, это не мешало ему играть в очаровательного негодяя с другими представительницами прекрасного пола, что не входили в две категории, на которые он накладывал строгое табу.

– Что, Прохорова, решила сразу территорию обозначить? – щурит он глаза, как большой сытый кот. – Ну-ну. А знаешь, я рад тебя видеть. А ещё... ты готовить умеешь?

Я осторожно киваю. Ланской довольно потирает руки.

– Значит, тебя мне послал бог. Я как раз искал милую добросовестную помощницу. Поможешь порядок поддерживать и будешь кормить несчастного, вечного голодного Аля. А за это живи в свободной комнате – раз, питайся вместе со мной – два. Я даже с собакой могу гулять изредка. Люблю, знаешь, вечерами, к примеру, пройтись. Подумать. Ну, и с твоим бегемотом заодно.

Че обижено гавкнул.

– Он что, понимает, что не бегемот?

– Он понимает, что хороший пёс. А все остальные прозвища считает обидными. И тех, кто смеет настаивать на собственных заблуждениях, кусает за задницу и приходит в кошмарных снах.

При слове «задница» Аль хищно сверкает глазами, но от-

пустить шуточку или замечание не спешит.

– Ну, и ещё, Прохорова. С тебя история. Как ты там теперь называешься-то? Я ж по старинке. А ты, оказывается, не просто выросла, а ещё и замуж успела сбегать. Так как ты, говоришь, твоя фамилия?

Я смотрю Альберту в глаза. Вздыхаю.

– Гинц. Я теперь Таисия Гинц.

Глава 3

Эдгар

Белая палата. Я привязан к штативу с капельницей. Лекарство медленно вливается в вену. Я бы удрал отсюда, но пока не могу.

– Учти: последствия могут быть непредсказуемыми, а я ни за что не отвечаю, если ты выкинешь фортель, – грозит мой друг Жора, отличный мачо и по совместительству владелец частной клиники.

А ещё в рот ему заглядывает мать. Это она спасла меня. Появилась вовремя на пороге моей квартиры. Слишком удачно. И я пока не знаю, могу ли ей доверять. Положиться на неё. Мы не виделись двадцать лет – достаточно большой срок, чтобы пылать любовью и доверять.

Меня отравили. Скорее всего, на благотворительном балу. Жора считает, что покушаться могла и Тая. Моя жена, сбежавшая из дома. Так без вариантов увидят её уход все без исключения. И полиция в том числе.

– Жора, ты мне друг? – спрашиваю у Артемьева. Он смотрит на меня подозрительно и сурово. Складывает ручки на груди. – Я не буду просить ничего запрещённого. Хочу лишь, чтобы ты мне помог.

– Ну? – сегодня он краток, как Эллочка-людоедка.

– Я помню твои слова о хорошем генотипе, душевной де-

вушке Тае, – освежаю ему память. – И что из всех моих пас- сий она – настоящая. Что ты людей насквозь видишь.

– Я как и любой человек могу ошибаться, – сжимает он челюсти и чертыхается негромко.

– Она такая и есть, друг мой Георгий Иванович. И сейчас одна. Где-то там. Напугана, расстроена, возможно, беремен- на.

У Жоры тяжелеет взгляд. Дети – больной вопрос. Я знаю. У него с детьми не получается. Хотя они и женой надежды не теряют.

– Чего ты хочешь? – бурчит он, и я знаю: поможет.

– Мне нужно выиграть время. И два телефона с новыми сим-картами. Пожалуйста. И не спрашивай ни о чём, чтобы ненароком не сказать лишнего.

– За кого ты меня принимаешь, Гинц? – цедит он сквозь зубы. – Я, по-твоему, трепло?

– Через несколько часов здесь будут менты, следовательно, или ещё какой хрен. И начнётся. Ты знаешь. Дай мне эти несколько часов. Я слаб, в обмороке, не пришёл в себя. Жиз- ненные показатели не дают возможности для беседы. То же самое – для всех. Будь там хоть господь бог в белых одеяни- ях. С матерью я поговорю сам. Моя охрана уже в пути – бу- дут стоять возле палаты.

Жора переступает с ноги на ногу и довольно трёт лысину.

– Я рад, что тебя ни одна отравка не берёт. А главное – мозг функционирует прекрасно. Будет тебе время. Телефо-

ны. Всё, что хочешь. И жену твою могу поискать. У меня остались старые армейские связи.

– Не нужно. Я сам, – невыносима мысль, что её найдут раньше меня.

Первую смс я умудрился отправить со своего телефона. Не сообразил, что подставляю и её, и себя. Идиотская фраза, за которую я клял себя на чём свет стоит. Лишь бы дождалась, не отключилась. Но Тая была на связи. Не знаю, что она пережила за те несколько долгих минут, пока я смог снова с ней связаться.

Это как тонкая нить, протянутая между мной и ею. Как невидимая словесная цепочка, что связывает и делает ближе.

Я дал ей чёткие инструкции. Просил верить и доверять. И то же самое собирался делать и по отношению к ней. Иначе всё зря.

Мы выиграем время. А дальше... всё будет по-другому. Я готов ждать. Доказывать ей, что не очень хорошее начало отношений ещё ничего не значит. Главное – получить шанс всё исправить. Она мне его дала. Всё остальное – будем решать вместе, хоть и хочется мне снова взять быка за рога, завалить и всё сделать по-своему. Но я не обижу её.

Трогаю пальцами экран мобильного. Там её послание. Слова любви, на которые я так и не ответил. Не хочу их писать. Хочу проговорить вслух, глядя ей в глаза. Шептать. Завоёвывать свою женщину поступками. Стереть недоразумения и недопонимание. А дальше... дальше будет жизнь. Но

для этого нужно много всего сделать, и я не собираюсь сидеть, сложа руки. И, чёрт побери, я выживу, чтобы осуществить все планы и мечты.

Неслышным зверьком в палату пробирается мать. Она качает головой и ловко управляется с капельницей. Оказывается, всё кончилось, а я и не заметил. Она вытягивает иглу одним движением. Слишком умело. Да, я помню: мать ухаживала за смертельно больным мужем. Многому, наверное, научилась. А сейчас возится со мной.

– Послушай меня, – говорю негромко, прикрывая глаза, – я скажу тебе правду. Возможно, она тебе не понравится. Есть моменты, что примирили меня с тобой. Я знаю, что ты не лгала. Я проверил. Мой отец тебя действительно бил. И зря ты думала, что никто этого не замечал. Подобному всегда находят свидетели. Особенно в маленьком городишке. Там очень хорошо помнят, какой ты попала в больницу. И что отца ты даже в том состоянии прикрыла, не выдала, тоже помнят. Ты могла потерять ребёнка.

– Леон счастливчик, – у матери лицо становится мягким, словно изнутри его промыли до блеска и сияющей чистоты. – Он... мог погибнуть дважды. Тогда и позже, когда у меня была угроза выкидыша. А родился, как и ты – в рубашонке. Удивительно, правда? И Марк – тоже. Все мои мальчишки отмечены счастливой звездой.

Я сдерживаюсь, чтобы не ляпнуть какую-нибудь бестактность. Женщины порой склонны верить во всякую чушь. Но

кто я такой, чтобы осуждать её за это?

– Я не знаю, могу ли тебе доверять, – говорю откровенно. Так, как есть выкладываю. – Я не тот, кто в одно мгновение меняет собственные принципы и привязанности. Наверное, слишком долго я тебя презирал. А ты пока не сделала ничего, чтобы я мог верить безоговорочно каждому твоему слову. Думай, что хочешь. Но сейчас самое время доказать, что... в общем, не надо ничего доказывать. Просто будь матерью и во всём поддерживай меня, даже если будет казаться, что я делаю что-то неправильно. Это не значит, что я прошу молчать и кивать головой на каждое моё слово. Можешь и спорить, и не соглашаться. Но главное – не мешать и поддерживать. Не осуждать и не выносить сор из избы. Ты понимаешь, о чём я?

– Не совсем, – у матери сухие глаза и дрожащие губы. Она не собирается плакать, но видно, что мои слова задели её.

– Сейчас будет слишком сложно. И много всякой грязи вокруг. А тебе придётся держать удар и молчать. Не быть наивной. Не делиться горестями с первыми встречными или милыми старушками во дворе, например. Не рассказывать всю эту историю двадцатилетней давности и о наших разногласиях. Просто закопаем всё, в чём не сходились, сейчас.

– Эдгар, – гладит она мою руку, – уж кто-кто, а молчать я умею. И прощаю тебе вот этот разговор лишь потому, что мы разучились друг друга чувствовать и понимать. Были слишком долго друг без друга. И потом. Я не хочу мешать. У меня почти есть работа. Детям назначена пенсия. Осталось лишь

подыскать сносное жильё. Но я и с этим справлюсь. Ты прости, но возвращаться назад я не собираюсь. Хочу начать новую жизнь. Здесь.

– Ты её и начнёшь. Но с некоторыми поправками. Я не могу сейчас отдать тебе детей. Не могу позволить жить отдельно своей жизнью.

– Эдгар, – пытается она мне возразить, но я прерываю её.

– Я понимаю твоё стремление быть самостоятельной. И всё будет, как ты хочешь. Но позже. Вы сейчас тесно связаны со мной. И ты, и дети, и даже паршивец Леон. А вокруг меня что-то непонятное творится. И пока я не разберусь, в чём дело, не хочу, чтобы однажды меня шантажировали вами, вымогали что-то и ставили перед выбором. Я в любом случае выберу семью. Тебя и детей. И проиграю. Поэтому ты поселишься у меня. На время. И Леона заберёшь. Я ведь знаю: это он тебе всё рассказал?

Мать идёт красными пятнами. Подумаешь, тайну разгадал.

– Не надо бы, сынок, Леона, – бормочет она, подтверждая мои подозрения. – У него работа в Интернете хорошая. Квартиру снял. Ну, кому он нужен?

Я бы сам хотел сказать подобное. И кому-кому, а Леону мне больше всего хочется начистить рожу. Но есть факты, против которых не попрёшь: он мой брат. А значит – слабое звено. Мне сейчас главное спрятать все звенья, окружить надёжной стеной, чтобы ни одна сволочь к ним не подобралась.

– Потом будем разбираться с непростыми отношениями. Кто кого обманул, обидел, воспользовался ситуацией. И передай: если заартачится, я его на аркане притащу. Мне сейчас не до шуток и реверансов.

– А Тая? – задаёт она вопрос, на который ей бы я и не хотел отвечать. – Если даже Леона ты готов спрятать и защитить, как же она? Ты ведь хотел найти её? Отыщи, сынок, и пусть возвращается домой. Как ты говоришь, все в одном месте...

– Пока ей не нужно возвращаться, – смотрю матери в глаза слишком пристально и ловлю трепет ресниц, выражение лица. Наблюдаю, как она облизывает сухие губы. – Она первая подозреваемая отравительница.

– Но как же она будет одна?.. – квохчет мать, разве что крыльями не машет. – Ты же хотел найти её, сынок!

– А теперь не хочу. Возможно, есть повод думать на неё. Я сам себе противен, но сейчас не вижу другого выхода.

– Как же так... не может быть... такая хорошая светлая девочка, – упорствует мама.

– Хорошая светлая девочка бросила меня в тяжёлую минуту. Исчезла. Я мог в это время преставиться. Так что не всё однозначно. Поэтому я прошу: говорить о ней поменьше. А лучше и вообще молчать. Я сам разберусь. Без лишних глаз. Она всё же моя жена. И лишние сплетни мне ни к чему.

Мать меняется в лице. Задумывается. Встряхивает головой, крутит шеей, сжимает и разжимает переплетённые в

замке пальцы. Губы её становятся тонкими, а под скулами пролегают впадины-тени.

Если я хотел, чтобы мать моя ненавидела кого-то или испытывала крайнюю степень неприязни, то, кажется, я только что этого добился.

Как иногда легко поворачивать народ в сторону Тьмы и неверия. На светлую сторону перетягивать людей, увы, гораздо сложнее.

Глава 4

Тая

– Гинц?! – сейчас Альберт Викторович смотрит на меня по-другому. Не снисходительно и немного покровительственно, а заинтересованно и удивлённо.

– Бог мой, Тайна, только не говори, что ты и есть та самая жена, о которой судачат все, кому ни лень. В определённых кругах, конечно.

– Та самая, – вздыхаю. – Может, чаю попью? Есть хочется жутко.

– Ты как в той известной присказке: дайте водички попить, а то так есть хочется, что негде переночевать.

– Слово в слово. И никуда от этого не деться, – кручу я головой, подумывая, куда бы приткнуться. Эта квартира-студия, занимающая весь этаж, огромна. Здесь Аль работает, живёт, вдохновляется, впадает изредка в депрессии и любит это место странной любовью. – Может, мы всё же на кухню?

– Можно. В обморок только не падай, ладно?

– Меня трудно напугать или шокировать. Я детдомовка.

Не знаю, зачем напоминаю об этом. Он знает. Если помнит, конечно. Но, судя по всему, по каким-то причинам я Алю куда-то там запала. В душу вряд ли. В память – в самый раз.

На кухне, конечно, не творческий беспорядок, а самый на-

стоящий срач. Очень меткое слово для увиденного. Но я и бровью не веду. Сметаю весь хлам со стола: тарелки – в мойку, всякие огрызки и ошмётки – в мусорный пакет. Чайник нахожу на холодильнике. В холодильнике – пусто. Шаром покати.

– Ну, в общем, да, – философски мычит Аль, глядя на мои потуги найти что-нибудь съестное. – Но прям щас в магазин я не помчусь. Даже ради такой высокой гостыи как ты, Тайна Гинц.

– На этот случай есть запасной вариант, – наливаю я в миску чистой воды для Че и достаю из своего рюкзака собачий корм, полбатона, кусок колбасы и сыра.

– Запасливая, – почти стонет Аль, – и, совершенно не стесняясь, ворует кусочки колбасы и сыра, пока я делаю нарезку.

Горячий чай, еда, компания – и уже тянет на откровения.

– Рассказывай, – подталкивает меня Альберт.

– Тебе с начала или с самого главного? – пытаюсь отмахнуться от неизбежного.

– С начала – там всегда всё самое интересное. В основном, как я понимаю, кроется свинья. Поэтому я не спешу увидеть её пяточок. Или хвостик. Предпочитаю наесться деликатесов, а только затем встать перед холодным блеском дула автомата.

Он понимает. Чувствует. И я не спеша рассказываю свою историю. Как работала официанткой в ресторанчике «Дон

Кихота». Как завалила дорожную инсталляцию – чудо дизайнерской мысли. Как муж мой будущий возместил стоимость загубленного шедевра и купил меня у тётки, чтобы я стала его женой. Кажется, что всё это было давно. Я глажу голову Че Гевары, что примостился рядом и удобно устроил огромную умную башку на моих коленях. О детях и Эльзе упоминаю. О благотворительном бале и о том, что слышала там.

Я рискую, доверяясь почти незнакомому человеку. Я осторожно выбираю каждое слово. Не то, чтобы у меня не было выбора. Выбор есть всегда. Но если подозревать всех и каждого, не иметь возможности приобрести друга или союзника – значит остаться совершенно одиноким в мире, где за каждым поворотом ждёт тебя опасность.

– Только ты, Тайна, могла попасть в подобную передрагу. Не зря я до сих пор тебя помню из сотен лиц, что прошли перед глазами, – из хлебного мякиша Аль ловко лепит человечка. У него идеи живут на кончиках пальцев. – Абсолютно не удивлён. Любишь его? Этого мрачного типа?

– Люблю, – признаюсь сразу же. – И никакой он не мрачный, – защищаю мужа.

– Да видел я его, твоего Гинца. Дед Мороз ему родственник. Только влюблённая девчонка может видеть в этом куске льда что-то хорошее, светлое и доброе. В тебе живёт отблеск пионерских костров далёкого прошлого, Тайна. Таких, как ты, уже не делают. Сами рождаются раз в сто лет. Может, потому земля ещё и не рухнула, держится, старушка. Валяй

уже своё главное.

– Если после всего рассказанного тебе захочется выставить меня за дверь, не стесняйся, – предупреждаю я его.

– Прохорова, – фыркает Аль, – не напускай трагичности и таинственности. А то у меня уже и колени трясутся, и руки. Видишь, сидеть на месте не могу от страха.

– Я должна предупредить, – гну своё. А то получится: ты пообещал, взял кота в мешке, а потом неудобно его будет выставить.

– Слишком болтливая дева с собакой – вот что досталось мне в мешке. Рассказывай уж своё главное. Переживу как-нибудь. И даже сердце не разорвётся – поверь.

– Я из дому ушла, – вздыхаю.

– И собаку украла, – фыркает Аль. Ему почему-то весело. Брови у него пляшут. Красивый чёрт. Смуглый до черноты, а лето недавно началось. А глаза зелёные выгодно смотрятся на его породистом лице. – Породистую. Элитную. Сколько там твой бегемот щенками стоит? Тысячу баксов? – клацает он телефоном. Видимо, ищет информацию.

– Меньше, наверное, – вздыхаю. – Это ещё не всё.

– Прохорова, ты рассказывай, рассказывай, я тебя очень внимательно слушаю. А если не запугиваюсь, так это не твоя проблема. Или твоя? Кто-то нанял тебя, чтобы проверить, насколько у меня нервы крепкие?

– Если честно, я ушла, чтобы остыть. Подумать. Побывать в одиночестве. То есть, это не побег в прямом смысле этого

слова. Но кое-что изменилось. Мне надо спрятаться на время.

Аль смотрит на меня пытливо.

– Другими словами, ты хочешь сказать, что и по утрам с собакой гулять тоже мне?

– Что-то вроде того.

– Глупее не придумаешь, конечно. Как раз по псине тебя в первую очередь вычислят. Это не стандартная моська, каких куча в каждом дворе. Это такая собака-предатель, по которой тебя в два счёта найти можно.

– На Эдгара покушались, – признаюсь. – И последнее время я жила под охраной.

– А сейчас, значит, он отпустил тебя просто так? – закатывает глаза Аль.

– А я его не спрашивала. Ушла и всё. И, кажется, есть причины, чтобы я пока не возвращалась. Точнее сказать не могу. Эдгар попросил.

– Слабо ты похожа на покорную жену, – вздыхает Аль. – Ладно, придумаем что-нибудь. Оставайся. Не проникся я душевным трепетом твоей истории.

Затем он улыбается. Сладко и предвкушающе. Пальцы его тонкие ныряют в пышную шевелюру. Плечи ходуном ходят от сдерживаемого смеха.

– Скажи мне, Прохорова, а Гинц твой в курсе, куда ты подалась?

Я пунцовею щеками и опускаю глаза.

– Чувствую, скоро будет жарко. Оставайся, Тайна. Это невероятно вдохновляет. Я готов даже красотой лица пожертвовать, чтобы это увидеть. Неистовые страсти. Мужчину, который из-за тебя вызовет меня на дуэль. Что-то подсказывает мне: он явится. Не выдержит без тебя. Я бы не выдержал, Тайна. Честно. Через любой забор перемахнул бы ради тебя.

Он смотрит мне в глаза. Открыто. Улыбается. Поддевает. А я не могу понять, шутит он или говорит всерьёз: столько в его взгляде оценивающей мужской заинтересованности. Он сейчас похож на гончую, что азартно идёт по следу дичи. У него даже ноздри трепещут. И я впервые думаю, что когда раздавали мозги, я проспала или отвлеклась на что-то другое.

– Не бойся, Тайна, – хрипло говорит он, улавливая чуточку моё настроение и состояние. – Я принципам своим не изменяю, даже когда пьянствую. Так привык себя контролировать, что меня даже во сне сложно изнасиловать какой-нибудь малолетке или окольцованной дамочке, что бесится от скуки и жиру.

Я снова краснею. Это камень в мой огород. Я тоже прибегала к нему. Правда, не совсем, чтобы изнасиловать, но о чём-то таком думала, шестнадцатилетняя идиотка. Он меня раскусил тогда. Да и что там кусать – я и не сильно старалась скрывать собственные намерения и мысли.

– Брось, Тайна. Я не о тебе сейчас. Ты тогда... больше от

отчаяния. Всё в силе. Твоя комната ждёт. Поехал я за покупками. А то и правда страшно жить. Вдруг завтра война, а в доме гречки нет. Или макарон.

– И соли со спичками, – включаюсь я в эту игру.

– Это идея! – щёлкает он пальцами и подсовывает свой телефон. – Пиши список всего необходимого. Вам, девочкам, лучше знать, что понадобится для дома. К тому же, за тобой уборка и обед, Тайна. Секреты секретами, тайны тайнами, а обед по расписанию.

Я вбиваю в его телефон список покупок и слышу, как он напевает. Что-то из классики. Моцарт или Бетховен – не вспомню. Кажется, я его вдохновила. Знать бы ещё, чему он так радуется. Перспективе схлестнуться с моим мужем?..

Глава 5

Эдгар

Ложь – штука противная. Прилипчивая. Ей всё равно, кого марать. Солгав раз, приходится либо выкручиваться постоянно, либо рано или поздно всё вылезает наружу, как гнилые нитки, что рвутся и оставляют безобразные стержки-разрывы.

У меня сейчас нет другого выхода: любой в моём окружении может быть тем самым человеком, что поставит подножку, отвесит оплеуху или воткнёт нож в спину.

Я бы хотел всем доверять. Но жизнь научила меня проверять информацию, анализировать, сопоставлять факты, делать расчёты и выводы, принимать решения и побеждать. Плохо, когда тех, на кого ты можешь опереться, по пальцам одной руки пересчитать можно.

Я рисую в блокноте круг. Выстраиваю людей, что находятся рядом. Строю версии, пусть даже бредовые. Здесь главное – определиться.

Тая, моя жена. Не думаю, что началось всё с неё. Совпало, скорее. Она была случайной девочкой из ресторана. Я сам обратил на неё внимание. Сам принял решение жениться. Никто не подталкивал меня к этой мысли, даже исподволь. Даже если предположить, что она разыграла сцену с заваленной инсталляцией. Я мог пройти мимо. Я мог выбрать дру-

гую кандидатуру. Я мог отказаться от затеи в любой момент.

Она не сопротивлялась, но и не горела желанием становиться моей женой. Да и вообще. Не вижу смысла и мотивов. Убить, чтобы стать наследницей состояния? Для девочки, что отбила право собаки жить в доме, а не в приюте, что собиралась экономить на еде и работать в три смены, лишь бы я не позволил чужих ей детей в интернат сдать, слишком нелогично. Она даже вещи от тётки забирала, чтобы не зависеть от меня.

Ну, и сердце, чувства, сердце... я противился даже мыслям, что Тая способна на подобное. Не способна. Никогда. Не в её характере.

Мама и Леон. Неожиданные родственники. Я оговаривал свою жену и смотрел, как мать реагирует. Не блеснёт ли в её глазах огонёк радости или злорадства. Подобные вещи трудно контролировать порой. Но она осталась у разбитого корыта, с тремя детьми на руках, пусть один уже и взрослый, без средств к существованию, без дома и друзей. Всё остальное может оказаться хорошо продуманной ложью. Она, к примеру, лгала, когда пыталась пристроить детей. Не сказала правду.

Прошрое её подтвердилось. Но кто знает, как она жила? Что было в её жизни потом? Она жила с человеком, который не любил её сына. Не каждая мать на это решится. Не променяла ли она одного садиста на другого? Много вопросов и достаточно тёмных пятен на карте судьбы женщины, что

вынырнула из прошлого слишком «вовремя».

Да, она жила в лесу. Но в доме оставался её сын. Шпионил и гадил. Пытался ухаживать за Таей. Целовал её, зная, что у меня обязательно снесёт крышу. Случайно или намеренно? Провоцировал или просто юноша с сильной влюблённостью, когда теряются тормоза? Опять миллион вопросов, и заочно на них ответы не найти.

Сева. Давний друг юности, который знает обо мне всё. Наверное, даже больше, чем всё. У нас разница в четыре года. Мы из одного города. Но общаться начали лишь в институте. Прибило его как-то ко мне. И с тех пор мы почти не разлучались. Сева не стремился развивать бизнес. Слишком ленивый и ветреный для серьёзных дел. Кажется, его устраивала роль моей правой руки. Он хорошо разбирался во многих вопросах, а кое-где был просто незаменимым. Один нехороший пунктик меня беспокоил. Раньше я на него сквозь пальцы смотрел: Сева «подбирал» за мной всех моих любовниц. Или почти всех. Ради интереса? Что-то глубоко личное, о чём я не знаю, пропустил, не обратил внимания?

От мыслей и вопросов – голова кругом. А я ещё не по всем кандидатам, кто мог бы меня недолюбливать, прошёлся

– Зачем тебе телефоны? – спрашивает мимоходом Жора. Не могу и не хочу его подозревать, но и он – друг, знает обо мне слишком много. Вхож в дом. Но ему бы ничего не стоило прикончить меня здесь, когда я и так загибался. Но, но, но...

– Я потерял свой, – лгу, не моргнув и глазом. Жора смот-

рит на меня странно. Видел, наверное, мой телефон в целости и сохранности. Ничего не переспрашивает и не пытается уличить во лжи – и ладно. Остальное как-нибудь переживу, и объяснюсь позже, когда всё утрясётся или рассосётся.

Морщусь невольно. Не от капельниц, хоть они меня и достали. От дурацкой надежды, что проблема исчезнет сама по себе. Ничего не утрясётся и не рассосётся. Я это знаю лучше других.

– А второй-то зачем, злыдень? – ворчит Жорик. Я подозрителен сейчас до ужаса. Что-то он слишком много вопросов задаёт.

– Чтобы был запасной, – опять лгу. – Ты же помнишь? Меньше знаешь – лучше спишь.

Взгляд у Жоры тяжёлый, как и кулаки. Может, он бы и врезал мне сейчас за подозрительность и недомолвки, но я его пациент, к тому же ответить не могу. Наверное.

– Там твой безопасник пришёл. Настоящий полковник.

Анатолий Иванович Журавлёв – лысый, как колено, загорелый, как чёрт, – человек, которому я могу доверять. Он надёжнее, чем сейф. Сейфы ломают, а таких людей – нет.

Ему не нужно лишних слов. Он своё дело знает. Его ребята деловито проверяют палату. Кивают: всё чисто. Все три телефона проходят через их руки.

– Тут такое дело, – пронзает меня ясно голубым, но отнюдь не доверчивым, а чересчур жёстким взглядом Журавлёв, – в твоей трубе, – стучит он крепким пальцем по корпу-

су «родного» телефона, – программа-шпион. Кто-то отслеживал твои звонки, разговоры и делал переадресацию смс.

Чем дольше он говорит, тем больше я напрягаюсь. Во рту сухо и горько. Хочется плюнуть или водкой прополоскать, чтобы удалить мерзкий привкус гадости от неутешительных известий.

– Вручную установили или дистанционно с помощью вируса узнаем позже. Эд, ты был слишком беспечен. Я предупреждал. Но ты, как всегда, не слишком заботился о собственной безопасности. Самое время сделать это хотя бы сейчас. Мне не нравится всё, что вокруг тебя творится.

– Я и сам не пылаю от счастья, – откидываюсь устало и тру виски. – Поковыряйтесь и избавьтесь от телефона. Мне он больше не нужен.

– Будешь пренебрегать проверкой и игнорировать меры безопасности, история повторится снова. И с телефоном, и с жизнью.

Он вычитывает мне как мальчишке. Я согласен с ним, но внутри всё противится тотальному контролю. Я сейчас очень хорошо понимаю Таю. Но когда «надо» зашкаливает, лучше, конечно, подчиниться.

Я устал. Измочален. С трудом дожидаюсь, когда Журавлёв и его команда уходят. Наконец-то я один. В тишине. Я рискую. У меня нет другого выхода. Я не могу быть уверен, что и Таин телефон не поражён той же болезнью, что и мой, но другого выхода не вижу. Иначе мы потеряемся в боль-

шом-большом городе. А я не собираюсь лишаться своей жены.

Я пишу ей сообщение за сообщением. Шлю инструкции и радуюсь тому дурацкому слову «не возвращайся», что отправил со своего телефона. Если кто-то читает смс, то думает, что я рассорился с Таей. Может, это и к лучшему. Пусть.

Скоро, очень скоро я смогу её увидеть. Только эта мысль даёт мне силы. Даже если бы сейчас с неба посыпались камни, я бы не дрогнул. У меня есть она – моя жена, моя девочка, ради которой я готов умереть и воскреснуть, возродиться и стать лучше.

Глава 6

Тая

Руки в кровь, конечно, я не стёрла, отдраивая кухню, но под конец чувствовала себя Золушкой: у Аля в этой квартире всё нестандартно. И кухня размеров немаленьких, а бардака – чуть ли не под трёхметровый потолок.

Чтобы апартаменты в порядок привести, не один день придётся трудиться. Но работы я не боялась. Это даже лучше – заняться физическим трудом, чтобы меньше думать. Я жутко скучала по Эдгару и детям. Как они там? Опять у них стресс. Мне ведь так и не хватило духу сказать, что ухожу. Я же собиралась встречаться с ними, пока Эдгар на работе, а сейчас понимаю, что неизвестность подвесила меня за рёбра на большом и прочном крюке.

Вернувшийся Аль протяжно присвистнул, оглядывая кухню.

– Тайна, я не думал, что ты воспримешь всё так буквально. С другой стороны, какая нормальная женщина выдержит подобное надругательство над порядком? Тронут. Но тебе совершенно нет необходимости батрачить. Я завтра же найму клининговую компанию, они здесь живо отдраят и окна, и полы, и двери. Я так периодически делаю, но в последнее время что-то был совершенно не в духе общаться с народом. К тому же я терпеть не могу, когда трогают мои вещи, пере-

ставляют их. Я потом болею и долго не могу найти, где и что у меня лежит. А вот на счёт еды не пошутил. Ты готова меня паразитить кулинарными способностями?

– Всегда готова! – салютую ему весело. На мне грязная уже футболка, потёртые джинсы. Я и сама выгляжу не очень после уборки, но никуда не деть эйфорию от наведённого мной порядка. К сожалению, из одежды – ещё пара футболок, набор трусиков и лёгкое платье. В рюкзак много не спрячешь.

– Короче, – сгружает на стол кучу пакетов Аль, – ройся, разгребай, загружай холодильник, полки в шкафах. Я вроде поразил продавца на кассе твоим списком и платежеспособностью. А то они там за мной по пятам ходили. Подозревали, наверное, что я бомж и собираюсь обворовать их супермаркет.

– Они по пятам ходили не из-за этого, – смеюсь, доставая продукты.

– Хочешь сказать, любовались моей задницей? – оглядывает он себя заинтересованно, пытаясь посмотреть на то самое место.

– Позёр и задавака. Ты же знаешь, что великолепен.

Я искренна сейчас. Наверное, даже слепой понял бы, как он красив. И для меня – не только внешне. В нём есть нечто благородное. Высокое. Чистое.

Да, я склонна его идеализировать. Всё же любила его по-детски той самой первой любовью, когда готов молиться на

предмет своего обожания. Он не идеал, нет. Но ему легко прощаешь недостатки, потому что и достоинств больше, и умения притягивать к себе – предостаточно.

– Тайна, только не ты, – морщит он нос и страдальчески прикрывает глаза. – Я устал от собственного великолепия. И от дифирамбов вокруг – тоже. В последнее время мне тяжело находиться в толпе. Забросил занятия. Высохли кисти. Отшил учениц. Вон, Зайку привёл расслабиться немного. Сбросить, так сказать, хоть какой-то груз. А тут ты – подарок небес просто. Аж захотелось жить.

– Ты же знаешь: я не лгу, – пытаюсь сгладить неловкость и оправдаться. – Это не лесть, Альберт Викторович. И не слепое обожание – я выросла. К тому же, у меня есть человек, которому я отдала душу и сердце. Поэтому так легко могу говорить, что думаю и вижу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.